PG
3337
M48P5

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Merzliakov Alexei
" Fedorovich.

ПѢСНИ
песни.
И
РОМАНСЫ

А. МЕРЗЛЯКОВА.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1830.

PG3337
M48P5

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1830 года, Іюля 31 дня.

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

Изданіе книгопродавца Салаева.

ОК 12 Мая 54

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пѣсни.

		Стран.
I.	Среди долины ровныя.....	1
II.	Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить.	4
III.	Не липочка кудрявая.....	6
IV.	Вылетала бѣдна пташка на долину.....	9
V.	Ахъ, чтожъ ты, голубчикъ.....	12
VI.	Чернобровой, черноглазой.....	14
VII.	Что не дѣвица во теремѣ своемъ.....	17
VIII.	Что мнѣ дѣлать въ тяжкой участи своей?.....	19
IX.	Ахъ, дѣвица, красавица!.....	23
X.	Тошно дѣвицѣ ждать мила̀ друга.....	25
XI.	Для чего летишь, соловушко, къ садамъ?	27
XII.	Подъ березой, гдѣ прозрачный ключь шумитъ.....	29
XIII.	Мой безмолвный другъ, опять къ тебѣ иду.....	31

Романсы.

		Стран.
I.	Объ ней	35
II.	Къ Элизѣ	37
III.	Въ чемъ я виненъ предъ тобою	39
IV.	Тихой, нѣжной вѣтерочикъ	42
V.	Жестокою судьбою	45
VI.	Меня любила ты, я жизнью веселился	49
VII.	Кому страдать, крушиться	50
VIII.	Къ моей Л. В— нѣ	54
IX.	Къ арфѣ, отправляемой въ деревню	57
X.	Коль сердце сердцемъ можетъ жить	61
XI.	Разлука	64
XII.	Прости любовь! конецъ моимъ мученьямъ!	67
XIII.	Разговоръ	70
XIV.	Къ . . .	73
XV.	Робость первой любви	76
XVI.	Ожиданіе любезнаго	78
XVII.	Дуэтъ: Въ часъ разлуки пастушокъ	81
XVIII.	Что есть жизнь?	85
XIX.	Пиръ	90
XX.	Старикъ	94
XXI.	Къ Добродѣтели	99
XXII.	Велизарій	102
XXIII.	Зима свой взоръ скрываетъ	104
XXIV.	Къ Элизѣ	108

ПѢСНИ.

I.

Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокой дубъ
Въ могучей красотѣ.

Высокой дубъ развѣсистый
Одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ бѣдняжечка,
Какъ рекрутъ на часахъ!

Взойдетъ ли красно солнышко:
Кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка:
Кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близь него;
Ни кустики зеленые
Не вьются вкругѣ него.

Ахъ, скучно одинокому
И дереву расти!
Ахъ, горько, горько молодцу
Безъ милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота:
Кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей:
Но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми:
Поклонъ, да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими:
Поклонъ — да пара словъ.

Однихъ я самъ пугаюся,
Другой бѣжитъ меня.
Всѣ други, всѣ пріятели
До чернаго лишь дня!

Гдѣ жь сердцемь отдохнуть могу,
Когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ,
На помощь не придетъ!

Ни роду нѣтъ, ни племени
Въ чужой мнѣ сторонѣ;
Не ластится любезная
Подруженька ко мнѣ!

Не плачется отъ радости
Старикъ, глядя на насъ;
Не вьются вкругъ малюточки,
Тихохонько рѣзвясь!

Возьмите же все золото
Всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взглядъ!

II.

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло время, начало сердце крушить;
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело!
То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло:
Полюбя дружка, отъ горести изныть,
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?
Злые люди все украдкою глядятъ,
Меня дѣвушку заочно всѣ бранятъ.....
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой!
Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со мной:

Было время и на васъ была бѣда.
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по себѣ,
А не всякой погорюетъ обо мнѣ!
Что же дѣлать съ горемычной головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него;
Людямъ нужды нѣтъ до сердца моего!...
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горючими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ про-
быть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить.

III.

Не липочка кудрявая
Колышется вѣтромъ,
Не рѣченька глубокая
Кипитъ въ непогодѣ,
Не бѣлая ковыль-трава
Волнуется въ полѣ:
Волнуется ретивое,
Кипитъ, кипитъ сердце;
У красной у дѣвицы
Колышутся груди;
Перекатнымъ бисеромъ
Текутъ горьки слезы;
Текутъ съ лица на бѣлу грудь
И грудь не покоятъ!

Ахъ, прежде красавица
Всѣхъ насъ веселила;
А нынѣ красавица
Вдругъ стала уныла.
Развѣйтесь, развѣйтесь вы,
Дѣвически кудри!
Поблекни, поблекни ты,
Дѣвическа прелесть!
Къ чему вы мнѣ надобны,
Коль вы не для друга?
Къ чему мнѣ наряды всѣ,
Коль онъ не со мною?
Съ кѣмъ сладко порадуюсь,
Съ кѣмъ сладко поплачу?
Ты, милой другъ, радостью,
Ты былъ мнѣ красою!
Тебя только слышала,
Тобою дышала,
Въ тебѣ свѣтъ я видѣла,
Въ тебѣ веселилась!...
Съ собою ты сердце взялъ:
Чѣмъ жить, веселиться?
Родныя вкругъ сердятся,
Что я измѣнилась;

Другіе притворствуютъ,
А я не умѣю!...
Ахъ, съ дальней сторонушки
Пришли ко мнѣ вѣсточку,
Что здравъ ты и радостенъ,
И что меня помнишь!
Тогда улыбнуся я
На бѣлой свѣтъ снова;
Тогда и въ разлукѣ злой
Сольемся сердцами!
Тогда оживу опять
Для васъ, добры люди!

IV.

Вылетала бѣдна пташка на долину,
Выроняла сизы перья на долинѣ.
Быстрой вѣтерь ихъ разноситъ по дубровѣ;
Слабый голосъ раздается по пустынѣ!....
Не скликай, уныла птичка, бѣдныхъ пташекъ,
Не скликай ты родныхъ дѣтокъ понапрасну;
Злой стрѣлокъ убилъ малютокъ для забавы,
И гнѣздо твое развѣяно подъ дубомъ.
Въ бурю ноченьки осеннія, дождливой,
Бродитъ по полю несчастна горемыка,

Одинёхонька съ печалью, со кручиной;
Черны волосы бѣдняжка вырываетъ,
Бѣлу грудь свою лебёдушка терзаетъ.
Пропадай ты, красота, моя злодѣйка!
Онѣмѣй ты, сердце нѣжное, какъ камень!
Растворися, мать сыра земля, могилой!
Не расти въ пустынѣ хмѣлю безъ под-
поры,
Не цвѣсти цвѣтамъ подъ солнышкомъ
осеннимъ:
Мнѣ не можно жить безъ милаго шпрана.
Не браните, не судите меня люди:
Я пропала не виной, а простотою;
Я не думала, что есть въ любви измѣна;
Я незнала, что притворно можно плакать.
Я въ слезахъ его читала клятву сердца;
Для него съ отцемъ я съ матерью разста-
лась,
За бѣдой своей летѣла на чужбину,
За позоромъ пробѣжала долы, степи,
Будто дома жениховъ бы не сыскалось,
Будто въ городѣ любовь совсѣмъ другая,
Будто радости живутъ лишь за горами...
Иль чужа земля теплѣе для могилы?

Ты скажи, злодѣй, къ кому я покажуся?
Кто со мною слово ласково промолвитъ?
О безродной, о презрѣнной кто потужитъ?
Кто изъ милости бѣдняжку похоронитъ?

V.

»Ахъ, чтожъ ты, голубчикъ,
Не весель сидишь
И нерадостенъ?«
—Ахъ! какъ мнѣ голубчику
Веселому быть
И радостному!
Вчера вечеркомъ я
Съ голубкой сидѣлъ,
На голубку глядѣлъ,
Игралъ, цѣловался,
Пшеничку клевалъ;
Поутру голубка
Убита лежитъ,
Застрѣленая,

Потерянная!
Голубка убита
Боярскимъ слугой!
Ахъ! кстатѣ бы было
Меня съ ней убить:
Кому изъ васъ мило
Безъ милыя жить?—
»Голубчикъ печальной,
Не плачь не тужи!
Ты можешь въ отраду
Хотя умереть;
Мнѣ должно для горя
И жить и терпѣть!
Голубка до смерти
Твоею была;
Мою же голубку
Живую берутъ,
Замужъ отдаютъ,
Просватываютъ.«

VI.

Чернобровой, черноглазой,
Молодецъ удалый,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью!
Для того ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того ли сердце любитъ,
Чтобы горе мыкать?
Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ-скукѣ
Ретиваго сердца!

Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочикъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ.
Изсуши горючи слезы
На бѣлой шы груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими....
Воетъ сыръ боръ за горою,
Мятелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь шы слезами
Отеческой теремъ;
Не увидишь дорогова,
Ни прежняго счастья!
Не ходишь-бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать-было глазами
Пригожихъ, удалыхъ!

Не любить-бы красной дѣвкѣ
Молодаго парня;
Поберечь-бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

VII.

Чувства въ разлукѣ.

Что не дѣвица во теремѣ своемъ,
Заплетаетъ русы кудри серебромъ:
Мѣсяцъ на небѣ, безъ ровни, самъ большой,
Убирается своею красотой.
Свѣтлый мѣсяцъ! весели, дружокъ, себя!
Знать кручинушкѣ высоко до тебя!
Ты одинъ, мой другъ, гуляешь въ небесахъ,
Ты на небѣ, такъ какъ я въ чужихъ краяхъ,
А не знаешь муки тяжкой—быть однимъ,
И не сѣтуешь съ пріятелемъ своимъ!.....
Ахъ! всмотрись въ мои заплаканны глаза,
Отгадай, что говоритъ моя слеза:
Травка на полѣ лишь дожжичкомъ цвѣтетъ,
А въ разлукѣ сердце вѣсточкой живетъ!

Все ли милая съ тобой еще дружна;
Пригорюнившись, сидитъ ли у окна;
Обо мнѣ ли разговоръ съ тобой ведетъ,
И мои ли она пѣсенки поетъ?...
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!
Горько плакать и конца бѣдамъ не знать!
Не съ кѣмъ слезъ моихъ къ любезной переслать!
У тоски моей нѣтъ крыльевъ полетѣть,
У души моей нѣтъ силы потерпѣть,
У любви моей нѣтъ воли умереть!
Изнывай же на сторонушкѣ чужой,
Какъ въ могилѣ заваленъ одинъ живой!
Будь, любезная, здорова, весела;
Знать ко мнѣ моя судьбинушка пришла!

VIII.

Сельская элегія.

Что мнѣ дѣлать въ тяжкой участи своей?
Гдѣ размыкать горе горькое свое?
Сердце, сердце, ты вѣщунъ, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать намъ тебя?
Какъ охотникъ пріучаетъ соколовъ,
Пріучаешь ты тоску свою къ себѣ;
Манишь горесть, безъ того твою родню,
Приласкала грусть слезами ты къ себѣ!
Вѣйте буйны, легкокрылы вѣтерки,
Развѣвайте кудри черные лѣсовъ,
Вѣйте вѣсточки съ далекой стороны,
Развѣвайте мою смертную печаль!
Вы скажите, жить ли бѣдной мнѣ въ тоскѣ?
Вы скажите, живъ ли милой мой дружокъ?

Долго, долго ждетъ любовь моя его!
Вотъ ужъ три года тоскѣ моей минетъ;
Ровно три года, какъ слуху нѣтъ объ немъ;
Нѣтъ ни грамотки, ни вѣстки никакой!
Ахъ, ужъ-ли-то солнце стало холоднѣй?
Не ужъ-ли-то кровь ретива не кипитъ?
Не ужъ-ли твое сердечко, милой другъ,
Ничего тебѣ о мнѣ не говоритъ?
Много время, чтобъ состарѣться любви!
Много время позабыть и измѣнить!
Вѣтеръ дунулъ съ чужой дальней стороны;
Показалася зарница надъ горой;
Улыбнулася красотка молодцу —
И прости мое все счастье и покой!
Нѣтъ! не вѣрю я причудамъ всѣмъ своимъ,
Милой другъ мой, твоя дѣвушка въ тоскѣ,
Тебѣ вѣритъ больше, нежели себѣ.
Знать злосчастнымъ намъ такой уже
талантъ,
Не дѣлясь душой, дѣлиться вѣкъ житьемъ;
Знать за тѣмъ-то въ зеленомъ у насъ саду
Два цвѣточка одиночкою росли,
Однимъ солнышкомъ и грѣлись и цвѣли,
Одной радостью питались на земли.

Чтобы вѣтры ихъ далеко разнесли,
Чтобы въ разныхъ разсадить ихъ сторонахъ,
Чтобъ на разныхъ вдругъ засохнуть имъ грядахъ!
У нихъ отняли послѣдню радость ихъ,
Чтобы вмѣстѣ горевать и умереть.
Поздно, миленькой, на родину придешь:
Поздно, солнышко, на гробъ ты мой блеснешь!
Я найду уже другаго жениха,
Обвѣнчаюся со смертью безъ тебя,
Самъ ты нехотя меня сосваталъ съ ней...
Приди, милой другъ, къ могилѣ ты моей!
Ты сорви цвѣтокъ лазоревой на ней;
Онъ напомнитъ, какъ цвѣла я при тебѣ;
Ты оттудова поди въ темны лѣса,
Тамъ услышишь ты кукушку вдалекѣ:
Куковала такъ злосчастная въ тоскѣ;
Горесть сѣла всю дѣвичью красоту;
Сердце бѣдное слезами истекло.
Какъ подкошена травинушка въ лугу,
Вся изсохла я безъ милаго дружка!
Мѣсто всякое не мѣсто для меня;

Всѣ веселья не веселья безъ тебя!
Рада бъ я бѣжать за тридевять земель;
Но возможно ли отъ сердца намъ уйти?
Но возможно ли отъ горя убѣжать?
Оно точитъ стѣны каменны насквозь:
Оно гонится за нами въ самой гробъ!
Дѣвки просятъ, чтобъ не выла я при нихъ:
»Ты лишь портишь наши игры,« говорятъ,
»На тебя глядя намъ тошно и самимъ!«
Ахъ! подруженьки! вы не жили совсѣмъ!
Вы не знаете — и дай, Боже, не знать;
Горя сладкаго, опаснаго — любить!
Ваше сердце не дѣлилося ни съ кѣмъ;
Въ моемъ сердцѣ половины цѣлой нѣтъ!
Въ моемъ миломъ я любила этотъ свѣтъ!
Въ немъ одномъ и родъ и племя все мое,
Въ немъ одномъ я весела и хороша;
Безъ него млада ни людямъ, ни себѣ!
Ахъ, когда вы что узнаете объ немъ,
Не таитесь, добры люди, отъ меня;
Ужъ не бойтесь испугать меня ничѣмъ!
Вы скажите правду истину скорѣй:
Легче, знавъ бѣду, однажды умереть,
Чѣмъ, не знавъ ее, всечасно умирать.

IX.

Ахъ, дѣвица, красавица!
Тебя любилъ, я счастливъ былъ!
Забытъ тобой, умру съ тоской!
Печальная, побѣдная
Головушка молодецкая!
Не знала ль ты, что рвутъ цвѣты
Не круглой годъ; морозъ придетъ...
Не знала ль ты, что счастья цвѣтъ
Сего дня есть, а завтра нѣтъ!
Любовь — роса на полчаса;
Ахъ, вѣкъ живутъ, а вмигъ умрутъ!
Любовь какъ пухъ, взовьется вдругъ;
Тоска свинецъ, внутри сердецъ.
Ахти, печаль велпкая!

Тоска моя несносная!
Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду къ лѣсамъ тоску губить;
Пойду къ рѣкамъ печаль топить;
Пойду въ поля тоску терять,
Въ долинушкѣ печаль скончать.
Въ густыхъ лѣсахъ — она со мной!
Въ струяхъ рѣки — течетъ слезой!
Въ чистомъ полѣ — траву сушитъ!
Въ долинушкахъ — цвѣты моритъ!
Отъ батюшки, отъ матушки,
Скрываюся, шатаюся.
Ахти, печаль великая,
Тоска моя несносная!
Куда бѣжать, тоску дѣвать?

X.

Ожиданіе.

Тошно дѣвицѣ ждать мила́ друга,
Сердце, кажется, хочетъ вырваться;
Къ нему тайной вздохъ, къ нему страстной взоръ,
Къ нему встрѣчу вся лечу мыслями.
Ахъ! катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью.
Въ шатрѣ утреннемъ народился день;
Красно солнышко полпути прошло;
Въ высотѣ своей величается;
Милой другъ ко мнѣ не является.
Ахъ! катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью.

Вотъ и красной день ближе къ вечеру,
И стада бѣгутъ съ зеленыхъ луговъ,
И заботы всѣ отъ людскихъ сердецъ:
Не бѣжитъ тоска отъ души моей.
Ахъ! катись скорѣй, красно солнышко,
Катись радостью по поднебесью.
Солнце къ западу тихо клонится,
Тамъ прохлада ждетъ его въ облакѣ,
Тамъ погаситъ оно жаръ полуденной;
А кто можетъ любовь угасить въ груди?
Ахъ! катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью.
Тѣни вечера потянулись съ горъ,
Вкругъ чернѣетъ лѣсъ.....
Голосъ далъ соловей въ рощѣ липовой.
Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! это голосъ милаго.
Ахъ! катись скорѣй, ясно солнышко,
Катись радостью по поднебесью.
Тѣни мирныя рощи липовой,
Раздѣлитеся и сомкнитеся!
Примѣчайте вы друга милаго;
Вечеръ этотъ мнѣ веселѣе дня.
Закатися ты, ясно солнышко,
Почивай себѣ въ ложѣ облачномъ.

XI.

Соловушко.

Для чего летишь, соловушко, къ садамъ?
Для соловушки алѣетъ роза тамъ.
Чѣмъ понравился лужокъ мнѣ шелковой?
Тамъ встрѣчаюсь я съ твоею красотой.
Какъ лебёдушка во стадѣ голубей,
Среди дѣвушекъ одна ты всѣхъ виднѣй!
Что лань быстра, златорогая въ лѣсахъ,
Съ робкой поступью гуляешь ты въ лугахъ.
Гордо страстный взоръ разбѣгчивой блес-
нулъ;
Молодецкой кругъ невольно воздохнулъ,
Буйны головы упали на плеча,
Люди шепчутъ: для кого цвѣтетъ она?

Наши души знаютъ болѣ всѣхъ людей,
Наши взоры говорятъ всего яснѣй.
Но когда, скажи, терпѣть престану я?
Дни ко мнѣ бѣгутъ, а счастье отъ меня.
Пусть еще я не могу владѣть тобой,
Для чего же запретилъ тиранъ мнѣ злой
Плакать, видѣться съ красавицей моей?
И слезамъ моимъ завидуетъ злодѣй!

XII.

Подъ березой, гдѣ прозрачный ключь
шумитъ,
Добрый молодецъ, задумавшись, сидитъ,
Не одинъ сидитъ, съ товарищемъ, съ
тоской,
Преклонясь на бѣлу ручку головой.
Все встрѣчало, привѣчало все весну,
Не встрѣчалъ, не привѣчалъ одинъ весны;
Возрыдавши, слово молвилъ про себя:
Лила! Лила! чѣмъ увѣрить мнѣ тебя?
Долго ль будешь ты коситься предо мной?
То невѣренъ, то коваренъ, то я злой.
Твоему ли сердцу вѣдать, Лила, страхъ?
Посмотри: тамъ блещетъ рѣчка въ
берегахъ;

Волны тихо ловятъ другъ друга, катясь:
Отъ любви, или отъ злости эта связь?
Тамъ воробушки кружатся и шумятъ:
Злой ли умыселъ заставилъ ихъ играть?
Тамъ, вiясь, два ручейка среди луговъ,
Другъ отъ друга хоронились межъ цвѣтовъ;
То сближались, то скрывалися тотчасъ,
Дружка дружку обходили много разъ.
Лугъ просторенъ, всѣмъ раздолье — весе-
лись, —
Но наскучило кружиться имъ — слились!
Слившись, милые, разстались ли когда?
Вмѣстѣ скачутъ, вмѣстѣ рѣзвятся всегда!
Я замѣтилъ, что однажды вечеркомъ,
Ты, смотря вѣручей, закрылася платкомъ!
Грустно стало, любовалась ты на нихъ:
Чѣмъ завидовать, счастливѣй будемъ ихъ!

XIII.

Мой безмолвный другъ, опять къ тебѣ
иду,
Мой зеленой садъ, къ тебѣ тоску несу!
Ровно три весны вспрѣчалъ ее съ тобой:
Не плѣняй меня и нынѣшней весной.
Безъ любезной, безъ жестокой мнѣ не жить!
Я иду къ тебѣ съ могилой говорить!
Не уже ли и она мнѣ жестока?...
Здѣсь дрожащая отшельника рука,
Близь бесѣдки пусть посадитъ на грядѣ
Лишь подсолнечникъ, примѣръ моей бѣдѣ!
Пусть въ глазахъ моихъ подсолнечникъ
растетъ:
Для любви своей, для солнца онъ цвѣтетъ.

Цѣлой день кружится, бѣдненькой, за нимъ;
Онъ и зрѣетъ, онъ и сохнетъ только имъ.
Ахъ! какого же дождешься ты конца?
Безъ отрады гаснетъ ясной цвѣтъ лица;
Птицы выклюютъ всѣ зернушки долой;
Ты преклонишься одинъ къ землѣ сырой,
Вѣтеръ буриый сломитъ нѣжной стебелёкъ,
И не спросятъ: что твой другъ къ тебѣ жестокъ?
Солнце красное высоко, далеко,
А подсолнечникъ въ долинѣ глубоко!

РОМАНСЫ.

I.

Объ ней.

Чего желалъ, что пѣлъ, что въ свѣтѣ
могъ любить —
Все въ ней, все только въ ней!
Чѣмъ можетъ Богъ однихъ счастливцевъ
наградить,
Все въ ней, все только въ ней!
Какъ легкой, томной сонъ, бѣды мои
прошли,
Все чрезъ нее и съ ней!....
Я счастія искалъ напрасно на земли:
Ахъ! счастье только съ ней!
Кому всю жизнь свою охотно я отдамъ,
Все ей, все только ей!

Когда добрѣе былъ къ несчастнымъ, къ
сиротамъ?
При ней, всегда при ней!
Когда я выше всѣхъ и смертныхъ и боговъ?
Когда сижу при ней!
Я цѣлой міръ забылъ: богатство, блескъ
чиновъ;
Что нужды въ нихъ при ней?
Что къ счастью я рожденъ, что сердце я
имѣлъ,
Я то узналъ отъ ней.
Въ безвѣстности, въ глуши я новый міръ
обрѣлъ,
Съ одною только съ ней!
О Боже Праведный! послѣдній часъ пошли
Сперва ко мнѣ, не къ ней!
Въ комъ ты достойнѣе сіяешь на земли?
Въ душѣ Элизы — въ ней!
Чѣмъ лучше возмогу тебѣ я угождать,
Какъ не любовью къ ней!
И тамъ, на небесахъ, въ обители отрадъ,
Моя отрада въ ней!...

II.

Къ Элизѣ.

Когда бъ я былъ любимъ, о милая, тобою...
Мечта прелестная, завидный даръ небесъ!
Съ подругой нѣжною дѣлиться ввѣкъ судьбою,
Дѣлиться сладостью и радости и слезъ!...

Когда бъ я былъ любимъ.... нѣвецъ стезею правой,
Завистниковъ презрѣвъ, къ безсмертью бъ вознарилъ!
Элизою любимъ, стремился бы за славой;
Элизу бы воспѣлъ, и славу заслужилъ!

Когда бъ я былъ любимъ... гонимый съ сиротою
Спасителя во мнѣ и брата бы сыскалъ!..
И мнѣ ль недобрымъ быть, любимому тобою?
Мнѣ ль благости не знать, когда тебя узналъ?

Когда бъ я былъ любимъ... сокройтесь, сны златые:
Богатства, суеты, фортуна, міръ забытъ!
Свобода и любовь — цари мои земные!
Въ нихъ счастье, а безъ нихъ и счастье ложный видъ!

Но что безумецъ я, какой плѣненъ мечтою?
Надежда! удались! Мнѣ ль радостей искать?
Другому быть твоимъ; другому жить тобою!
А мнѣ... о призракѣ погибшемъ унывать!...

III.

Въ чемъ я виненъ предъ тобою,
Чѣмъ тебя я прогнѣвилъ?
Развѣ тѣмъ, что всей душою
Я жестокую любилъ?

Сила страсти — Бога сила!
Можно ль ей противустать?
Такъ судьба уже судила
Мнѣ, узнавъ тебя, страдать!

Но въ тоскѣ безплодной ноя,
Чѣмъ тебя я оскорбилъ?
Отказавшись отъ покоя,
Твой покой не нарушилъ,

И наружности смущенья,
Слова, взгляду при тебѣ,
Изъ душевнаго почтенья
Не позволилъ я себѣ.

Роща дальняя внимала
Злополучной страсти гласъ;
Ночь печальна примѣчала
Слезы горькія изъ глазъ.

Не надѣясь наслаждаться
Чувствомъ нѣжности твоей,
Мнѣ осталось лишь питаться
Скрытой горестью своей.

Въ томномъ страсти упоеньѣ
Я вселенную забылъ;
На яву и въ сновидѣньѣ,
Лишь тебя въ ней находилъ.

Образъ милой твой скрывался,
Въ тайнѣ сердца моего:
Всякой даръ небесъ казался,
Даромъ сердца твоего.

Ты въ лунѣ мнѣ сострадала,
Краше солнышко тобой,
Ты мнѣ прелесть показала
Добродѣтели самой.

Безъ тебя я былъ съ тобою,
Чувство, мысль твою дѣлилъ;
Я мечталъ, что надо мною
Кроткій геній твой парилъ.

Вотъ страдальца наслажденья!
Хочешь — всѣхъ меня лишай.
Вотъ мои всѣ преступленья;
Будь безжалостна — отмщай!...

Позабудь меня, жестока,
Запрети себя видать;
Но какая сила рока
Запретитъ мнѣ обожать?

Чувство сладостно, отрадно,
Существо души моей!
Подъ землею развѣ хладной,
Ты исчезнешь вмѣстѣ съ ней.

IV.

Тихой, нѣжной вѣтерочикъ,
Не отъ Лизы ль ты летишь?
Флоры миленькой дружечикъ,
Не со мной ли говоришь?...

Сердце слышитъ, сердце знаетъ:
Не обманешь сердца, другъ!
Отъ чего жъ оно страдаетъ,
Отъ чего унылъ я вдругъ?

Отъ чего твое дыханье,
Какъ дыханіе любви,
Возбуждаетъ тоскованье
И волненіе въ крови?

Ты для всѣхъ несешь прохладу,
Для меня ужасной зной;
Всѣмъ приносишь ты отраду,
Отъ меня бѣжишь покой.

Какъ волшебникъ злой, мечтами
Окружаешь ты меня:
Шепчешь тихо за кустами,
Слышу голосъ тихой я!

Тамъ листы затрепетали —
Не она ль ко мнѣ идетъ?
Палъ цвѣточикъ — не она ли
Мнѣ, подкравшись, подаетъ!

Все согласно здѣсь съ тобою,
На поляхъ среди луговъ;
Само небо теплотою
Все твердитъ мою любовь!

Про нее деревья нѣжно
Разговоръ съ собой ведутъ,
Про нее ручей любезной,
Птички про нее поютъ.

Я вздыхаю, я томлюся,
И люблю вздыхать, тужить;
Я веселымъ быть кажуся,
А хотѣлъ бы слезы лить.

Не хочу, чтобы со мною
Сталъ объ насъ кто вспоминать;
А вспомянутъ — рвусь душою,
Если мало говорятъ!

Разскажи мнѣ, другъ любезной,
Отъ чего не воленъ я
Удержать стремленье слезно,
Отъ чего тоска моя?

Тихой, нѣжной вѣтерочикъ!
Такъ, отъ Лизы ты летишь!
Флоры миленькой дружочикъ!
Такъ, со мной ты говоришь!

V.

Жестокою судьбою
Отъ милой удаленъ,
Я строю томну лиру,
Къ разлукѣ осужденъ.

Услышишь ли, Надина,
Унылый голосъ мой?
Душа моя трепещетъ,
Бесѣдуя съ тобой.

Тебя ли призываю,
Или ужъ тѣнь твою?
Желаю и страшуся,
Узнать судьбу свою.

Пловецъ въ пучинѣ бурной
Хоть смерть свою и зритъ,
Послѣднею минутой
Еще онъ дорожитъ.

Надежду созерцаетъ
Онъ въ гибели самой,
Къ ней руки простираетъ...
Вотъ бѣдный жребій мой!

О благость Провидѣнья!
Ему ли насъ забыть!
Оно не дастъ мгновенья
Тебя мнѣ пережить!

Когда отъ счастья прежде
Не могъ я умереть,
Такъ нынѣ жить мнѣ должно,
Чтобы съ тобой терпѣть!

Страдать съ моей Надиной —
О сладостная часть!
Не можетъ сей отрады
Похитить злобныхъ власть!

Смотрите, какъ вы слабы!
Разлукѣ ль запретить
Сердцамъ соединеннымъ
Другъ съ другомъ говорить!

Она вездѣ со мною:
Въ безмолвный нощи часъ
Я пью ея дыханье,
Я слышу милый гласъ!

Ея цѣлую слезы;
На сердце каплютъ мнѣ
Любви нѣжнѣйшей слезы!
Сколь пламенны онѣ!...

Надина! ободримся!
Что отнято у насъ?
Уже ль не въ нашей волѣ
Послѣдній жизни часъ!

Надина! тамъ блаженство,
Тамъ счастливы душой!
Тамъ нужно только сердце,
Чтобы владѣть тобой!

Не слава тамъ, не знатность,
Не пышны имена —
Не гордыхъ предковъ титлы,
Нужна любовь одна!

Не хладный предразсудокъ
Тамъ будетъ намъ судья:
Прижавши руку къ сердцу,
Ты скажешь: я твоя!

VI.

Меня любила ты, я жизнью веселился,
День каждый пробуждалъ меня къ восторгамъ вновь;
Я потерялъ тебя, и съ счастіемъ простился:
Ахъ, счастіемъ моимъ была твоя любовь!

Меня любила ты: средь милыхъ вдохновеній,
Я пѣлъ прекрасную съ зарёю каждой вновь;
Я потерялъ тебя, и мой затмился геній:
Ахъ, геніемъ моимъ была твоя любовь!

Меня любила ты: я добрымъ быть
стремился,
Искалъ несчастнаго, чтобъ дать ему по-
кровъ;
Я потерялъ тебя, мой духъ ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь!....

VII.

Кому страдать, крушиться
Назначено судьбой,
Тотъ долженъ въ свѣтъ родиться
Съ чувствительной душой.

Даръ пагубный и милый,
О сердце, жертва бѣдъ,
До самыя могилы
Тебѣ покоя нѣтъ!

Весь міръ за рай считая,
Ты льстишь себя мечтой;
Но мигъ... и свѣтлость рая
Исчезла предъ тобой.

Дыша любезнымъ чувствомъ,
Друзьями всѣхъ зовешь;
Но всѣ друзья съ искусствомъ,
А ты простякъ слывешь!

Любовь зовутъ отрадой
Всѣхъ горестей земныхъ;
Но что жъ любви наградой?
Соборъ мученій злыхъ!

Я съ сердцемъ — тамъ притворство;
Я плачу — тамо смѣхъ,
Измѣны, вѣроломства!
Игрушкой будь у всѣхъ.

Любимый даже страстно,
Какъ дерзостный пловецъ,
Ждетъ бури повсечасно:
Любовь есть вихрь сердецъ!

Единый взглядъ смущаетъ;
Но взглядъ — и счастья лучь!
Ахъ, солнышко сіяетъ
Надъ нимъ всегда изъ тучь!

Невольникъ поздно ль, рано ль,
Плѣнъ тяжкій сокрушитъ;
Я самъ себѣ тираномъ,
Свобода мнѣ не льститъ!

Холодность даръ ничтожный!
До смерти мертвымъ быть!
Страдать, хоть горько, можно:
Не можно не любить!

Друзья! какъ скоро боги,
На жалость преклонясь,
За слезы, бѣдства многи,
Пошлютъ мнѣ смертный часъ;

Здѣсь друга положите,
Здѣсь я тоскою жилъ;
На гробѣ надпишите:
»Несчастный! онъ любилъ!«

VIII.

Къ моей Л. В—нѣ.

Простите обольщенья
Честей, земныхъ суетъ,
Златыя заблужденья,
Незрѣлыхъ, пылкихъ лѣтъ!

Навѣкъ, навѣкъ простите!
Узналъ обманъ и — радъ!
Ахъ, чѣмъ вы замѣните
Одинъ любови взглядъ?

Довольно я скитался;
Я видѣлъ хитрыхъ, злыхъ;
Кумирамъ поклонялся,
Игрушкой былъ слѣпыхъ.

Любовь! клянусь отнынѣ
Ты все мнѣ — весь я твой!
Благодарю судьбинѣ,
Хранитель ангелъ мой!

Пускай честями, славой,
Плѣняется гордецъ;
Пускай ему съ отравой
Приноситъ жертвы льстецъ:

Одно твое мнѣ слово
Дороже хвалъ царей;
Оно стремленье ново
Даетъ душѣ моей!

Не роскошь и не пышность
Со счастіемъ живетъ:
Блестящая излишность
Покровъ коварный бѣдъ.

Съ природой, съ простотою,
Съ любовью будемъ жить;
Надъ жизнью городскою
Тихохонько шутить.

Чертогъ богатствомъ блещетъ;
Но въ свѣтлой клѣткѣ сей
Богатый самъ трепещетъ
Объ участи своей.

Ты все мнѣ: честь, награда,
Богатство ты одна;
Въ несчастіяхъ отрада,
А счастья ты вина.

Такъ! сладко жить мы станемъ,
Послѣдній встрѣтимъ часъ!
Съ любовію увянемъ,
Любовь пробудитъ насъ.

IX.

Къ Арфѣ, отправляемой въ деревню.

Арфа, милый другъ Всемилы,
Ты повсюду вмѣстѣ съ ней.
Повтори мой гласъ унылый,
И простись съ тоской моей!

Мнѣ тебя не слышать болѣ,
Мнѣ Всемилы не видать;
Кто съ печальнымъ въ тяжкой долѣ
Грусть захочетъ раздѣлять?

Прежде, счастливый тобою,
Я отраду находилъ;
Чрезъ тебя съ моей душою
И Всемилой говорилъ.

Здѣсь я весь однимъ былъ слухомъ,
Здѣсь не смѣлъ, не могъ дышать;
Здѣсь восторга полнымъ духомъ
Могъ я счастье понимать!

Здѣсь при звукахъ страсти нѣжной
Страсть въ самомъ себѣ читалъ;
Противъ воли взоръ сей слезной
Тайнѣ чувства измѣнялъ.

Какъ живыя струны, билось
Сердце нѣжное во мнѣ:
То играло, то крушилось,
Въ быстромъ таяло огнѣ.

О минуты наслажденья!
Навсегда ль вы протекли?
Сладость, сладость заблужденья,
Цвѣтъ невѣрный на земли!

Оживись моей тоскою,
Арфа, стонъ мой повторяй!
Скорбный геній мой съ тобою
Полетитъ въ далекій край.

Въ часъ печальной прикоснется
Онъ къ нѣмой твоей струнѣ,
Какъ отъ вѣтра звукъ проснется,
И напомнитъ обо мнѣ.

Можетъ быть сама Всемила
То услышитъ и вздохнетъ,
Неизвѣстныхъ чувствій сила
Къ арфѣ дружба приведетъ.

Заиграетъ.... Звуки! томно
Лейтесь горестью моей;
Объясните тихо, скромно,
Какъ страдаю я безъ ней!

Птички, рощицы игривы,
Замолчите.... пѣснь скучна:
Вы любимы, вы счастливы;
Здѣсь груститъ любовь одна!

Но когда въ часы отрадны
Персты мчатся на струнахъ,
Тоны рѣзвы, перекатны,
Лейтесь въ вихрѣ и громахъ!

Пусть тогда она не знаетъ,
Что я жилъ, что вижу свѣтъ;
Пусть ничто ей не мѣшаетъ,
Пусть все радостью цвѣтетъ!

Арфа, милый другъ Всемилы!
Будь веселіемъ для ней;
Не втори мой гласъ унылый,
И простись съ тоской моей!

X.

Коль сердце сердцемъ можетъ жить,
Коль благо жизни ихъ сліянье:
Ахъ! что жъ должна разлука быть?
Разлука тяжкое страданье!
Любя, любезной не видать,
Стократъ день каждый умирать!

Бывало... сладкой, милой часъ!
Даръ неба всякое мгновенье!
Чудесна прелесть страстныхъ глазъ,
Безмолвно взоровъ изъясненье!
Любя, любезной и проч.

Сидѣть однимъ, играть, шутить,
Душа душою веселиться,

Сердцами слушать, говорить,
И не умѣть наговориться.
Любя, любезной и проч.

Одна рука къ рукѣ другой,
Прокравшись, съ трепетомъ касались;
Вздымалась бѣла грудь волной,
И взоры тихо опускались!
Любя, любезной и проч.

Пылалъ огонь въ лицѣ, въ крови,
Въ глазахъ томленье омоченныхъ!
О нѣжной поцѣлуй любви!
О слезы, рай обвороженныхъ!
Любя, любезной и проч.

Веселье, горесть, слезы, смѣхъ,
Минуты спора и согласья,
Все было мнѣ виной утѣхъ,
Все было мнѣ виною счастья!
Любя, любезной и проч.

Гдѣ вы, о спутники любви,
Размолвка, гнѣвъ и подозрѣнье,

И ревность нѣжныя души,
И ты, другъ-радость, примиренье?
Любя, любезной и проч.

Теперь тоской срѣтаю день,
Тоскою день я провождаю.
Воспоминанье, блага тѣнь,
Тобой любовь мою питаю!
Любя, любезной и проч.

Какъ ночь взойдетъ на небеса,
Я часто, обольщенъ мечтою,
Тебя зрю, милая краса!
Проснусь — нѣтъ призрака со мною!
Любя, любезной и проч.

Вотъ локонъ здѣсь твоихъ волосъ,
Вотъ что осталось отъ прекрасной!
Нѣмой свидѣтель горькихъ слёзъ,
И ты мнѣ мукой сталъ ужасной!
Любя, любезной не видать,
Стократъ день каждый умирать!

XI.

Разлука.

Минута грозная настала!
О Лила, о мой другъ, прости!
Почто не смерть судьба сказала?
Скорѣе смерть могу снести!
Скорѣе мигъ уничтоженья,
Чѣмъ жизнь исполненну мученья....
Мой другъ!... По въ дальней сторонѣ
Ты и не вспомнишь обо мнѣ!

Душа, томимая тоскою,
Не найдетъ мѣста для себя!
Какъ ей, живущей лишь тобою,
Какъ можно не искать тебя?
Она твой спутникъ невидимый,
Вездѣ съ тобой нераздѣлимый....

А ты въ далекой сторонѣ,
Уже не вспомнишь обо мнѣ!

Скитаясь по полямъ, унылый,
Я передамъ всему тоску:
И рощи говорятъ о милой,
И камни сѣтуютъ со мной,
И утро грусть мою застанетъ,
И вечеръ въ грусти же увянетъ!
А ты въ далекой сторонѣ,
Уже не вспомнишь обо мнѣ!

Какъ мѣсяцъ встанетъ изъ-за рощи,
Пойду на холмъ, знакомый намъ;
Одѣянный мечтами нощи,
Съ слезами обращуся къ вамъ,
Минувши дни очарованій!
О, сколько сладкихъ вспоминаній!
А ты въ далекой сторонѣ,
Уже не вспомнишь обо мнѣ!

Теперь, я думать стану въ скукѣ,
Она окончить путь должна;
Теперь сгрустилось ей въ разлукѣ.
Летитъ ко мнѣ.... близка она!...

Простите, сладкія мечтанья!
Не лейтесь слезы ожиданья!
Напрасно: въ дальней сторонѣ
Она не вспомнитъ обо мнѣ!...

Дай Богъ, чтобъ ты не знала вѣчно
Страданій, кои я терплю!
О другъ мой, другъ безчеловѣчной!
Люби, какъ я тебя люблю....
Тогда познаешь сердца муки,
Тогда не вынесешь разлуки,
Тогда.... но въ дальней сторонѣ
Ты и не вспомнишь обо мнѣ!

XII.

Прости любовь! конецъ моимъ мученьямъ!
Что пользы мнѣ для слезъ, для горя
жить?
Я жертвой былъ измѣнѣ, обольщеньямъ:
Прости, любовь: пора свободнымъ быть!

Такъ я мечталъ, надеждой веселился,
Спокоенъ, твердъ, въ сердечной тишинѣ:
Чего робѣть? Я съ Лизой разлучился;
Амуръ дитя: оно не страшно мнѣ!

Но грозный богъ не терпитъ оскорбленья,
Уже летитъ, къ отмщенью воспаленъ;

Беретъ стрѣлу, я смѣло жду сраженья,
И злой ударъ на время отраженъ.

»Не торжествуй! сказалъ мнѣ раздраженный;
»Мой гнѣвъ вездѣ, всегда готовъ карать!
Достойну казнь получитъ дерзновенный,
Кто смѣлъ, кто могъ Амура презирать!«

»Пустое, другъ! теперь тебя я знаю;
Какого ждать отъ мальчика вреда?
Амуръ, Амуръ! тебя я презираю,
Твоимъ рабомъ не буду никогда!«

Какъ тихой ключь, здѣсь жизнь моя катилась!
Но долго ль? Ахъ! что вѣрно на земли?...
Сегодня ты, Элиза, мнѣ явилась,
И всѣ мечты, какъ легкой сонъ, прошли!

Взвился Амуръ, побѣдою гордится,
Съ улыбкой зритъ на тайный пламень мой.

»О слабый богЪ! стыдись чужимЪ хва-
лишься!
Какая честь тебѢ при помощи такой?«

XIII.

Разговоръ.

Любовь и Я.

Я.

Жестокая любовь, вина моихъ мученій!
Тебѣ дерзаю принести
Печальные плоды твоихъ же вдохновеній.
Прими и освяти!

Любовь.

Благихъ даровъ своихъ себѣ не возвращаю.
Несчастный, вѣрный другъ! мнѣ дорогъ твой покой.
Кто заставлялъ тебя знакомиться со мной?

Я.

Кто? нужно ль вопрошать!... Я сердцемъ
это знаю!

Любовь.

Почто же ты не къ ней дары свои при-
несъ?

Я.

Въ нихъ очень много слезъ!
О матерь сладкихъ чувствъ, не ты ль
мнѣ указала
Ея прелестныхъ дней печалью не смущать?
Бесѣдуя съ тобой, при ней могу молчать!

Любовь.

Но развѣ гордая тебя не понимала?
Но развѣ сердца въ ней для нѣжной стра-
сти нѣтъ?
Кто смѣетъ презирать мои уставы?

Я.

Свѣтъ!
Обычай, моды, лесть...

Любовь.

Ахъ! что я стала нынѣ?
Но прочь отчаянье! Неси твой даръ скорѣй
Той, коя правитъ всѣмъ, той, коя всѣхъ сильнѣй —
Таинственной судьбинѣ!

XIV.

Къ ....

Лизета, что въ искусствѣ
По модѣ жить, плѣнять?
Ахъ! чувство можетъ въ чувствѣ
Себя лишь награждать!

Всѣ знаютъ, ты прекрасна,
Съ тобой соборъ утѣхъ;
Но можно ли всечасно
Любезной быть для всѣхъ?

Ахъ, сердца по неволѣ
Не станетъ для всего!
Повѣрь, не можно болѣ
Любить, какъ одного!

Тебя хвалы плѣняютъ,
Прелестники кругомъ
Твой взглядъ предупреждаютъ:
Но что же пользы въ томъ?

Ахъ, Лиза! можетъ статься,
Успѣешь ты открыть,
Что милой всѣмъ казаться,
Не есть еще любить.

Такъ! нынѣ всѣ влюбились,
А нѣтъ совсѣмъ любви!
Всѣ мучатся, вскружились,
А вѣчной ледъ въ крови!

Играющій съ тобою
Вертляный Селадонъ
Гордится — чѣмъ? — Собою,
Что занялъ Лизу онъ.

Тебѣ самой нѣтъ нужды,
Ты рада съ нимъ шутить;
Тебѣ всѣ люди чужды,
Лишь толькобъ говорить.

Несчастливъ тотъ, кто любитъ
По сердцу своему;
Онъ свой покой лишь губитъ,
Смѣются всѣ ему.

Страсть сердца нынѣ стала
Искусствомъ для людей;
Она не умирала
Въ одной душѣ моей!

Тебя я, Лиза, знаю!
Я ангела любви
Въ Лизетѣ обожаю;
Ты богъ мой на земли!

Но чтожъ сказать? — Лизета
Умѣетъ только жить
Для лести и для свѣта.
Какъ мнѣ тебя любить?

XV.

Робость первой любви.

Ясной мѣсяцъ! не сіяй,
Какъ пойдетъ ко мнѣ любезной;
Любопытство усыпляй
Въ мракѣ ночи безмятежной!

Ясной мѣсяцъ! не сіяй:
Ахъ! я глазъ своихъ боюся!
Какъ взглянуть? О чувствій рай!.
Неравно проговорюся!

Ясной мѣсяцъ! не сіяй,
Если будемъ цѣловаться!
Онъ сказалъ: я честенъ, знай!
Вѣрю.... но боюсь свыкаться!

Ясной мѣсяцъ! не сіяй
Въ часъ печальный разлученья.
Сердце бѣдно, не страдай!
Другъ, не чувствуй ты мученья!

Ясной мѣсяцъ! не сіяй,
Какъ онъ станетъ возвращаться,
Пусть.... но вотъ онъ! поспѣшай!...
Нѣтъ, укроюсь... гдѣ дѣваться?

XVI.

Ожиданіе любезнаго.

Гдѣ ты, въ какой землѣ, въ какихъ
странахъ безвѣстныхъ,
Нераздѣляемый навѣкъ съ моей душой?
Гдѣ ты, мечтаній богъ, и томныхъ и пре-
лестныхъ,
Всегда присутственный, но, ахъ! незри-
мый мной?

Напрасно страстна мысль во слѣдъ
тебѣ стремится,
Желанье на крылахъ летитъ изъ града
въ градъ;
Ахъ, сердце трепетно напрасно суетится,
Отгадывать въ мечтахъ твой радостный
возвратъ.

Нетерпѣливая, стараюсь я напрасно
Услышать, гдѣ мой другъ, куда послать
мой вздохъ.
Такъ странникъ въ тмѣ лѣсовъ, въ часъ
вечера ненастный,
Дорогу потерявъ, на влажный падши
мохъ,

Внимательный свой слухъ на каждый
шумъ склоняетъ,
Въ малѣйшемъ шорохѣ мнитъ друга онъ
узнать,
И всякой свѣтъ вдали вождя ему являетъ;
Но мигъ — и свѣтъ угасъ и шума не слы-
хать!

Все глухо, вѣсти нѣтъ и все покрыто
тмою!
Отчаянной душѣ все чуждый, мертвый
видъ!
И пламенникъ любви не свѣтитъ предо
мною,
И лучь надежды мнѣ стези не озаритъ!

Отдайте мнѣ его, о боги моря, неба!
О рощи и поля! отдайте мнѣ его!
Весна прелестная, дщерь пламеннаго Феба,
Приди и возврати полсердца моего!

Зефиры кроткіе! хоть разъ объ немъ шепните!
Носитесь передъ нимъ и ускоряйте путь!
Умершимъ вы полямъ вновь жизнь и цвѣтъ дарите:
Ахъ, влейте жизнь въ мою отчаянную грудь!

Амуръ, всесильный богъ! Къ тебѣ, къ тебѣ взываю!
Найди жестокаго и власть свою яви,
Влей въ духъ его тоску, которой я страдаю,
Дай чувствовать ему мученія любви!

Разторгни всѣ его держащія препоны,
Плѣни его, влеки, дай крылья ты свои,
Дай нѣжность нѣжности забывшему законы,
И возврати опять мнѣ радости мои!

XVII.

Дуэтъ.

На голосъ извѣстной Малороссійской пѣсни:
Ихавъ казакъ за Дунай.

Первой голосъ.

Въ часъ разлуки пастушокъ,
Слезный взоръ склоня въ потокъ,
Говорилъ своей любезной:
Нѣтъ, тому не быть!

Нѣтъ, не будешь ты моя:
Ты богата — бѣденъ я.
Будь счастлива, будь спокойна;
Пусть одинъ терплю!

Второй голосъ.

На любезнаго взглянувъ,
Страстно, сладостно вздохнувъ,
Такъ пастушка отвѣчала:
Нѣтъ, тому не быть!

Нѣтъ! ты мой, и навсегда!
Бѣдность, другъ мой, не бѣда.
Кто богатъ, какъ мы, любовью,
Тотъ и всѣмъ богатъ!

Первой голосъ.

Ахъ! безроденъ я и сиръ,
Домъ и дворъ мой — цѣлый міръ:
Что же добры люди скажутъ
О любви твоей?

Второй голосъ.

Люди знаютъ лишь бранить,
А не знаютъ, какъ любить.
Мнѣ не нужны родъ и племя;
Пуженъ ты одинъ!

Первой голосъ.

Въ счастьи ты теперь живешь,
Горе ты со мной найдешь;
Тяжко плакать, но тяжелѣ
Быть виною слезъ!

Второй голосъ.

Съ другомъ горесть мнѣ сладка,
Радость безъ него горька;
Мы смѣшаемъ наши слезы,
И бѣда пройдетъ!

Первой голосъ.

Я не зналъ, что василёкъ,
Что нарцисъ, что ноготокъ;
А любилъ уже для милой
Собирать цвѣты!

Второй голосъ.

Я не знала нашихъ стадъ,
Сколько мой отецъ богатъ;
А тогда уже любила
Плесть тебѣ вѣнки!

Оба.

Для тебя мнѣ жизнь мила,
Красенъ день, цвѣтетъ земля;
Для тебя дано мнѣ сердце,
Вѣрное навѣкъ.

Для чегожъ такъ рано намъ
Пріучать себя къ слезамъ?
Сладко, другъ мой, жить съ тобою,
Сладко умереть!

XVIII.

Что есть жизнь?

Жизнь смертныхъ — тяжелое бремя,
Страданіе — участь людей.
Надѣйся на будуще время,
А слезы украдкою лей.

Печали вездѣ за тобою,
Готовься, хоть радъ, хоть не радъ!
Неволенъ ты самъ надъ собою:
Споткнешься въ дорогѣ стократъ!

Пусть такъ; но и дружества чувство
Утѣха сердцамъ молодымъ.
Ахъ! дружба — придворныхъ искусство:
Мы часто обмануты имъ.

Коль выгоды видятъ — ласкаютъ;
Нѣтъ выгоды — знать не хотятъ.
Царей и вельможъ презираютъ,
Какъ скоро пропалъ ихъ парадъ!

»Любовь утѣшенье несчастнымъ!«
Такъ думали люди всегда.
Ахъ, можно ли вѣрить прекраснымъ?
Имъ вѣрить, не вѣрить — бѣда!

Кто любитъ неложно, сердечно,
Насмѣшки, мученье найдетъ.
Живущій безъ страсти, безпечно,
Не дышетъ, но камнемъ живетъ.

Въ вельможи хотите добиться.
Но что же вамъ прибыли въ томъ?
Вельможѣ почасту не спится:
Ставъ знатнымъ, онъ сталъ всѣмъ врагомъ.

Сегодня, какъ башня, возвышенъ,
А завтра — на улицѣ прахъ;
Сегодня величественъ, пышенъ,
А завтра — лежитъ на Филяхъ!

Ученый ученьемъ гордится,
Но гдѣ же? — Въ передней глупцовъ!
За дальнія сферы стремится,
А дома — не видитъ угловъ!

Всѣ мудрые вольности дѣти;
А въ нихъ-то и низость и бой,
Другъ другу коварство и сѣти!
Съ слѣпыми самъ будешь слѣпой!

Герой на войнѣ погибаетъ
За странное слово — за честь!
Минута — онъ всѣхъ поражаетъ;
Минута — къ женѣ его вѣсть:

»Супругъ твой погибъ на сраженьи!«
Скажитежъ, чего онъ искалъ?
О, ложныхъ честей обольщенье!
Всѣ ровны: кто билъ и кто палъ!

Богатый для свѣтлаго злата
Полвѣка и ползъ и не спалъ.
Какая же низости плата?
Златымъ истуканомъ онъ сталъ.

На карты, на вина, на пиво,
Всемощный, онъ таксу даетъ;
А сердца заботамъ — о диво!
Онъ таксы прямой не найдетъ.

Друзья! отъ чего́ міръ негоденъ,
По той же причинѣ хорошъ.
Здѣсь всякой на выборъ свободенъ:
Что сѣешь, то ты и пожнёшь.

Ни знатн, ни злата, ни власти,
Намъ Богъ не хотѣлъ дароватъ;
Но вмѣстѣ намъ не далъ и страсти
Излишняго въ жизни желатъ.

Онъ далъ намъ спокойство и скромность
И маленькой умъ для себя.
Веселья и горести томность
Немного дала намъ судьба!

Онъ далъ намъ безцѣнную радость,
Немногое вмѣстѣ дѣлить,
И сильнымъ безвѣстную сладость —
Въ посредственномъ все находить.

О братья, сплетемся руками!
Пойдемъ въ предназначенный путь!
Когдажъ утомимся играми,
Онъ дастъ намъ могилу заснуть.

Для будущей жизни прекрасной
Тамъ тѣ же намъ чувства питать;
Тамъ станемъ, какъ здѣсь, мы согласно
Одною любовью дышать.

XIX.

Пиръ.

Въ шумномъ обществѣ гостей
Много басенъ и рѣчей,
Комплименты, каламбуры,
Милы шуты, милы дуры.
Другъ-хозяинъ! я Руссакъ,
И не знаю жить кой-какъ.

Извини — гдѣ прислонюсь,
Никому не полюблюсь;
Не хочу я дѣлать скуки;
Дай мнѣ уголъ, трубку въ руки.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Тамъ кричатъ: бостонъ, мизеръ!
Тамъ кричатъ: я кавалеръ,
Видѣлъ много битвъ и крови!
Тамъ вздыхаютъ отъ любови.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Тамъ въ кружкѣ младыхъ звѣвакъ,
Въ камняхъ, золотѣ дуракъ
Анекдоты повѣствуетъ,
Какъ онъ зайцевъ атакуетъ.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Тамо старый дуралей,
Снявъ очки съ своихъ очей,
Объявляетъ въ важномъ тонѣ
Всѣ грѣхи въ Наполеонѣ.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Тамъ кокетка, удалясь,
Испытуетъ нову связь;
Въ тотъ же мигъ двоихъ лаская,

Кажетъ имъ мечтанья рая.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Тамъ ученыхъ шумный кругъ,
Оглушаетъ умъ и слухъ
Энтимемой и соритомъ,
Сѣетъ мудрость рѣдкимъ ситомъ.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Красны дѣвушки, сюда!
Послѣ плясокъ и труда
Отдохнуть ко мнѣ склонитесь,
И Орфею улыбнитесь.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Я не чуждый вамъ пѣвецъ,
Знаю тайну всѣхъ сердецъ,
По глазамъ читать умѣю,
И сказать вамъ не сробѣю.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Гдѣ любовь и гдѣ вино,
Тамъ согласіе одно,
Добродушіе и радость,
Тамо искренности сладость.
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

Вижу Феба. Онъ ко мнѣ
Сходитъ въ важной тишинѣ.
»Пусть Элиза,« онъ вѣщаетъ,
»Вмѣсто всѣхъ тебя вѣнчаетъ.«
Пуншу свѣтлаго мнѣ дай,
И въ углу меня не знай!

XX.

Старикъ.

Я старикъ—и наслаждаюсь,
Вкругъ меня мои друзья,
Позднимъ вѣкомъ утѣшаюсь,
Средь друзей любезенъ я.
Всѣ по сердцу мнѣ родные,
По душѣ мои друзья,
Хоть и волосы сѣдые,
Но средь нихъ любезенъ я.

Тамъ, гдѣ молодость и старость,
Тамъ и радость и любовь.

Хоть уже не грѣетъ радость,
Не играетъ уже кровь;
Хоть со всѣмъ уже простился
И любовь прошла моя,
Съ дружбой я не разлучился
И средь милыхъ милъ и я.

Чтожъ меня къ нимъ привлекаетъ?
Я и старъ и небогатъ,
И ливрея не блистаетъ,
И не выйду я въ парадъ.
Чрезъ меня ни мѣста, чина,
Невозможно ужъ достать,
И на помощь господина
Не могу другимъ сыскать.

Скажутъ: онъ всегда лишь дома
За бостономъ все сидитъ.
Чтожъ худаго, кто безъ грома
Весь свой вѣкъ умѣлъ прожить?
Никому не досаждаю,
Ни объ комъ не говорю;
Хлопотами не скучаю,
И злословьемъ не морю.

Нужды нѣтъ мнѣ до наборовъ
Доброму Царю солдатъ;
Безъ разборовъ и безъ споровъ
Представлять солдата радъ.
Дѣти отчества! служите
Вы отечеству душой!
Вотъ завѣтъ его, примите,
И храните нашъ покой!

А крестьяне, слава Богу!
Ни къ кому они нейдутъ;
Къ одному ко мнѣ дорогу,
Какъ къ отцу, всегда найдутъ.
Счастливъ я: среди семейства
Благодатнаго живу,
Имя самаго злодѣйства
Знаю только чрезъ молву.

Что осталось, тѣмъ гонимымъ,
Сколько можно, помогу;
Нищетой, бѣдой томимымъ
Для Христа я не солгу,
И невиннымъ въ защищенье,
Если нужно то́ когда,

Всѣмъ готовъ на поклоненье,
Всѣхъ молить готовъ всегда!

Другъ разстроился со другомъ,
По какимъ-нибудь бѣдамъ,
Иль супругъ съ своей супругой
Поразмолвились — я тамъ,
Какъ могу, такъ помогаю.
Мнѣ уже не долго жить;
Вѣрно я лѣта считаю;
Ближнимъ радъ всегда служить.

Скажутъ: въ должность не вступаю.
Мнѣ подъ семьдесятъ ужъ лѣтъ!
Хоть я правду понимаю,
Но ума ужъ силы нѣтъ.
Тотъ грѣшитъ, кто принимаетъ
Долгъ превыше силъ своихъ:
Онъ невольно погрѣшаетъ,
Онъ невольно жертва злыхъ.

Боже Сильный и Всевѣдый!
Ты мнѣ слабому судилъ

Жить, какъ жили наши дѣды;
Ты меня благословилъ!
Дай посредственность святую,
Дай мнѣ сердца простоту
И любовь Твою благую,
Горней жизни красоту.

XXI.

Къ Добродѣтели.

(*Застольная пѣсня. Подражаніе Аристотелю.*)

О радость, о прелесть безсмертная
смертныхъ,
Добыча безцѣнная лѣтъ,
Предметъ и награда трудовъ неисчет-
ныхъ,
Отъ свѣта небеснаго свѣтъ!
О доблесть, о дѣва красотъ неизмѣнныхъ,
Ты слава Эллады сыновъ возвышенныхъ!

Препоны ли рока возстанутъ ужасны:
Ничто для плѣненныхъ тобой!

Возстанутъ ли злобы гоненья напрасны:
Спокойно грядемъ за тобой!
Ты въ ужасахъ ночи вдвое свѣтлѣе,
Ты въ горѣ, въ ненастьѣ вдвое милѣе!

Предъ кѣмъ трепетала и гдѣ уступила
Отъ Неба вліянная кровь,
Безсмертное сѣмя, божественна сила,
Къ тебѣ всемогуща любовь?
Родители, други, спокойство—безцѣнны:
Ты взглянешь, ты скажешь—и всѣ вдругъ забвенны!

Кѣмъ пламенны были вы, отроки Леды,
И съ кѣмъ Геркулесъ перстекъ
Двенадесять быстро ступеней побѣды?
Въ нихъ видитъ, въ нихъ любитъ тебя человѣкъ!
Аяксъ съ Ахиллесомъ въ могилу сокрылись:
О доблесть! ихъ гробы въ алтарь превратились.

Нашъ добрый хозяинъ и ласковъ и друженъ;
Твой образъ ему предстоитъ.

Онъ солнца не видитъ*: свѣтъ солнца не нуженъ
Тому, кто прелестную зритъ.
Вся жизнь его блещетъ благими дарами,
И вѣчность богата для добрыхъ вѣнцами.

О памятн дщери, хвалами обильны!
Вы славите въ храмахъ небесъ
Гостепріимства законы всесильны,
Въ которыхъ почіетъ Зевесъ:
Да славится жъ вѣчно пѣснью нелестной
Хозяина добраго пиршество честно!

Вы любите въ старцѣ сердце младое,
Веселость и рѣзвость подъ часъ,
Вамъ хлѣбосольство любезно златое,
И дѣдовска вѣрность, гость рѣдкой у насъ!
Да славится жъ вѣчно пѣснью нелестной
Хозяина добраго пиршество честно!

---

* Надобно думать, что хозяинъ дома былъ слѣпой.

XXII.

Велизарій.

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
»Тронитесь жертвою судебъ!«
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
»Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готѳовъ, Вандаловъ грозою;

Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей —
И міръ хранителя лишился...
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!

Несчастный, за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, спротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарью благодѣтель!...«

XXIII.

Зима свой взорЪ скрываетЪ,
Приходитъ свѣтлый Май,
Долина оживаетЪ,
ПроцвѢлЪ унылый край.

Для всѣхЪ весна явилась,
Весны нѣтЪ для меня:
СЪ кѣмЪ горесть подружилась,
СЪ тѣмЪ вѣчная зима.

ЗефирЪ утѣхЪ собраньемЪ
ДругихЪ, рѣзвясь, даритъ;
Во мнѣ воспоминаньемЪ
Всечасно духЪ мертвитъ.

Съ кѣмъ, съ кѣмъ весну младую
Мнѣ встрѣтить, похвалить?
Куда я скуку злую
И какъ могу сокрыть?

Я слышу, птички сами,
Мнѣ кажется, гласятъ:
Бѣги отъ насъ: слезами
Ты будешь намъ мѣшать!

Въ отливахъ милыхъ поле
Къ забавамъ всѣхъ манитъ.
Приду — и нѣтъ ихъ болѣ:
Все приметъ мрачной видъ.

Вездѣ брожу унылой,
Тоской душа полна,
Дышу одной Всемилой;
Мнѣ жизнь безъ ней скучна.

Здѣсь все, и самой камень,
Любовь мою твердитъ.
Увы! несчастной пламень
Жестокой не смягчитъ.

Веселья свѣта пышны
Для ней милѣй всего;
Стенанья ей не слышны
И слезы — ничего.

Какъ будто бы не знаетъ
Вины моихъ скорбей,
Холодно сострадаетъ
Объ участи моей.

Когда передъ любезной
Тѣ пѣсенки пѣвалъ,
Гдѣ чувства голосъ нѣжной
Страсть сердца выражалъ;

Всемила ихъ хвалила.
Но слава ль мой предметъ?
Любовь ихъ сочинила,
Любовь на нихъ отвѣтъ!

Не разъ весна являлась
Среди полей, луговъ;
Не разъ она скрывалась:
Мой жребій все таковъ!

Быть можетъ, есть искусство
Особенно плѣнять.
Не знаю: мнѣ лишь чувство,
Судьба хотѣла дать.

По сердцу вѣренъ, страстенъ,
Ни съ кѣмъ имъ не смѣюсь;
Хоть счастливъ, хоть несчастенъ,
По сердцемъ я горжусь.

Есть многіе умнѣе,
Любезнѣе меня;
Но кто вѣрнѣй, нѣжнѣе,
Кто любитъ такъ, какъ я?

Ахъ, если бы я прежде
Любви мученья зналъ,
Не вѣрилъ бы надеждѣ,
Свободой не скучалъ!

XXIV.

Къ Элизѣ,

КОТОРАЯ СЕРДИЛАСЬ НА АМУРА.

Элиза! я вЬ смущеньи!..
Откуда гнѣвЬ такой?
ПротивЬ Амура мщенье?...
АмурЬ невольникЬ твой!

КакЬ то виною ставить,
Что онЬ за честь твою
Киприду радЬ оставить
И Душеньку свою?

КакЬ тѣмЬ лишь оскорбиться,
Что бѣдненькой божокЬ
ВЬ твоей уборной льстится
Имѣть свой уголокЬ?

Что славой почитаетъ
Всегда служить тебѣ;
Элизу украшаетъ,
Хотя назло себѣ?

»Мнѣ право все постыло,
Покою ни часа!«
Вольно жъ Элизѣ было
Слѣпцу открыть глаза!

Плутишка сей игривой,
Когда тебя узналъ,
Сталъ тихой, молчаливой
И рѣзвость потерялъ.

Всесильный богъ простился
Съ колчаномъ золотымъ;
За то вооружился
Онъ взоромъ лишь твоимъ.

Элиза! если будешь
Ты злымъ его считать,
То какъ же намъ присудишь,
Какъ намъ его назвать;

Намъ, коими всечасно,
По милости твоей,
Онъ правитъ самовластно,
Какъ мальчикъ — для затѣй?

По вышнему уставу
Намъ должно вѣкъ страдать;
Элизѣ лишь въ забаву
Лить слезы и молчать.

Я самъ вчера сердился,
Съ Амуромъ въ споръ вступилъ;
Малютка прослезился
И такъ мнѣ говорилъ:

»Ахъ, я и самъ невиненъ!
Всмотрись въ нее со мной!
Я богъ. . . . но я безсиленъ
Владѣть самимъ собой!«

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025251118